

ЧЕРЕЗ ЭПОХИ БЕЗУМИЯ

Академик Бехтерев без колебания поставил диагноз: паранойя. Через короткое время Бехтерев при не выясненных обстоятельствах умер, а Сталин продолжал собирать власть в своих руках. Вскоре он достиг такого могущества, что признан был величайшим гением всех времен и народов. Таким же величайшим гением стал Гитлер. Даже после позорного краха его затей, в 1946 г., большинство немцев считало его величайшим политическим деятелем Германии.

В XX веке Исаак Башевис-Зингер поправил Ломброзо, считавшего, «что гениальность — род безумия. Он забыл добавить, что безумие — род гениальности» (цитирую по статье В.Соловьева в «Еврейском слове», 2002, N 37). По итогам XX века можно говорить об особом роде безумия, за которым шли массы. Безумия, связанного с сатанизмом; и все ж безумия.

Безумцы, совершавшие великие исторические дела, выходили на авансцену истории еще до Р.Х. Диагноз паранойя можно поставить Цинь Шихуанди, неукротимо деятельному и болезненно подозрительному деспоту, одержимому страхом и постоянно менявшему дворцы, где он жил (совсем как Сталин — комнаты на своей даче). Цинь Шихуанди объединил Китай, утвердил свод законов, заставил выстроить Великую стену. Государство, созданное им, имело только один недостаток: жить там было невыносимо. Никто не был застрахован от пыток и казни, применявшихся с невиданной широтой. Не было ни общих прав, ни личных привилегий; и никаких святынь, кроме блага государства (совпадавшего с волей государя). Сразу после смерти владыки вельможи не выдержали напряжения. Сын Цинь Шихуанди, Эр Шихуанди, был убит; новая династия, Хань, после некоторых колебаний, запретила доступ к государственным должностям сторонникам *Фацзя* (школы государственных законов, официальной философии Цинь). В 1965 году, когда я, поговорив о древнем Китае, назвал фамилию Сталина, никто не удивился: тень его все время всплывала в ассоциациях.

Однако в древности трон, по большей части, доставался ординарным принцам. Только в XX веке, после падения великих монархий, появился спрос на диктаторов, и навстречу массам, выбитым из колеи, рванулись одержимые и безумцы.

Судя по опыту Великой французской и великой русской революции, начинали одержимые, съеденные идеей, но клинически нормальные люди. С грехом пополам они уживались друг с другом и действовали целой плеядой. Во Франции развитие болезни на этом остановилось. Наполеон был человек трезвый и презирал идеологов. В XX веке дело пошло дальше. Из крупных диктаторов только Муссолини был банальным политическим авантюристом, без вкуса к массовым убийствам. Все остальные обнаруживают разные формы и стадии безумия: *idee fixe* и паранойи. И все громоздят гекатомбы трупов.

При сравнительно ровном, спокойном течении истории господствуют привычки, обычаи, традиция, в чем-то хорошая, в чем-то дурная. Но когда привычный ход дел глубоко нарушен, наступает время принципов. Чем больше низы плюют на принципы, лишь бы выжить, тем больше сатанеют энтузиасты принципов, и в обществе идет

зоологическая борьба принципов, обещающих спасение. В конце концов, если кризис сам себя не исчерпал, одна идея, подобно большой рыбе, пожирает прочих. И тогда она становится подобием бога ацтеков, требующим новых человеческих жертв во имя поставленной цели, а цель заново формулируется так, чтобы оправдать новые жертвы.

Такова буйная форма безумия безумных времен. Но не все народы безумствуют одинаково. Классическая древность оставила нам в наследство две зловещие фигуры: в Китае - Цинь Шихуанди с его безграничной подозрительностью и безграничной жадной истреблением действительных и мнимых врагов; а в Риме — Нерон с его безграничной жадной все более извращенных наслаждений. Одна из ловушек современности — спор демонического извращения власти с демоническим извращением свободы, так что нравственный распад свободного мира кажется спасением от Молоха государственного террора, а государственный террор кажется спасением от нравов Содома. Как иначе нашли бы сподвижников Пол Пот и бен Ладен? Откуда бы взялся их пафос борьбы со скверной?

Два пути в пропасть ведут спор, который хуже. И нет ни одного народа с абсолютным иммунитетом. Англо-саксы не поддавались безумию утопии (кончавшейся *idee fixe* и паранойей) - но легко втянулись в соблазны Содома. Они готовы стереть с лица земли последних диктаторов - и не замечают, что нравы Запада вдохновляют шахидов и (что еще страшнее) тайные силы истории, беспощадные к гнездам разврата. А Россия мечется между двумя соблазнами.

Однако современниками Нерона были Петр и Павел. Слушало их ничтожное меньшинство. Но я вижу глаза сегодняшнего меньшинства, — а не только глаза Сталина-Вия и усталой Клеопатры «Египетских ночей». Бури XX века вызвали огромное напряжение творческой веры. Не мог митрополит XIX века выступить с призывом укорениться в Боге и мыслить и чувствовать свободно, не цепляясь за решения соборов. Не дошел до этого кризис средневекового мировоззрения. Не мог бы папа XIX в. начать политику обновления (аджорнаменто); не мог бы другой папа покаяться в двух тысячелетиях грехов возглавляемой им церкви. Не мог тибетский римпоче назвать Томаса Мертона природным буддой. Не мог Далай Лама комментировать Евангелие на сессии семинара христианской медитации им. Джона Мейна. Мысль о прозрачности границ между верами и вероисповеданиями мелькала и в прошлом, но только XX век начинает видеть в этом выход из нынешнего духовного тупика. Не стирая различий — они неотделимы от богатства ликов культуры - но перестав использовать различия как оправдание ненависти и недоверия друг к другу. Прозрачность словесных одежд откровения может стать основой мировой солидарности, без которой человечество обречено на гибель.

В румынской коммунистической тюрьме, где священников методически секли розгами, чтобы они отреклись от Бога, один из мучеников веры додумался - пострадался - до простых слов: «Мы поняли, что число наших конфессий можно было сократить до двух: первой из них стала бы ненависть, которая использует обряды и догмы, чтобы нападать на других. Другая - любовь, которая позволяет очень разным людям опознать их единство и братство перед Богом... Все чаще случалось, что атмосфера в камере была пронизана духом самопожертвования новой веры. В такие

мгновения мы думали, что нас окружают ангелы» (Рихард Вурмбрандт. Христос спускается с нами в тюремный ад. В книге «Мученики веры», М., 2002, с. 149-150).

Светлое безумие любви идет навстречу черному безумию похоти и ненависти, как пожар навстречу пожару. Так некогда проповедовалось откровение Христа - «для Иудеев соблазн, для эллинов безумие». И чем больше бесновались Калигулы и Нероны, тем успешнее шла проповедь. Когда побеждал мещанский здравый смысл Веспасиана, оба пожара стихали. Но потом черное безумие вновь вспыхивало - и прокладывало дорогу светлomu. Исторические эпохи безумия - это эпохи состязания сверхсознания с подсознанием, ангелов-хранителей человечества с демонами разрушения, светлых и темных выходов за рамки обыденного, признанного нормой в спокойные времена. Привычки, ставшие принципами, трещат и ломаются на крутых поворотах истории.

Благополучие хрупко, ненадежно и толкает поскорее насладиться радостями Содома. Неблагополучие создает мятущееся панургово стадо, несущееся к пропасти вслед за своим безумным вождем. И спасение - только в поисках «Божьего следа», как это назвал Антоний Сурожский: «Действия Христовы рождаются изнутри глубинного созерцания, и только из глубин созерцания может родиться деятельность христианина. Иначе это будет деятельность, основанная на принципах: нравственных, богословских или любых принципах; но сколь бы ни были они истинны, прекрасны, справедливы, они не соответствуют божественной динамике, внезапной динамике небывалого, непостижимого, в чем именно характерно действие Божье. Мы, христиане, призваны жить на большей глубине, жить глубокой внутренней жизнью - но не в смысле обращенности на самих себя. Мы призваны уйти глубже этой обращенности, и самая эта глубина позволит нам взглядеться долго, спокойно, пламенно-чисто в канву истории, канву жизни и благодаря такому созерцанию, глубокому взглядыванию различить в ней след Божий, нить Ариадны, золотую нить, красную нить, которая укажет, куда Бог ведет нас среди окружающей нас сложной целостности жизни. И тут громадная разница между мудростью и человеческой опытностью. Опытность - результат прошлого, накопленный человеческий опыт; она обращена к пережитому, опыту более обширному, чем личный опыт, и делает выводы интеллектуально основательные, точные, глубокие. А мудрость поступает «безумно». Мудрость состоит в том, чтобы погрузить свой взор в Бога, погрузить свой взор в жизнь в поисках того, что я только что назвал следом Божьим, и действовать безумно, нелогично, против всякого человеческого разума, как нас учит поступать Бог» (русский перевод Е.Л.Майданович в журнале «Континент», 1996, N89).

Но как отличить Божий след от дьявольских подмен? Мефистофель убеждает Фауста, что он служит добру. И временами это выглядит убедительно. А новое зло рождается как пена на губах ангела, вступившего в бой за святое и правое дело. Шестнадцатилетняя девушка, взорвавшая себя, чтобы убить как можно больше израильтян, была уверена, что служит Богу.

Дмитрий Кленовский (1893-1976), поэт второй эмиграции, оставил нам хорошее стихотворение о тонких подменах, окружающих наш ум:

Бойся падших ангелов! В толпе
Ангелов — не все к нам благосклонны.
Есть такие, что как червь в крупе,
Роются в душе твоей смущенной.

Точат потаенные пути
В чистые, заветные глубины,
Чтобы, в пыль их зерна превратив,
Липкую оставить паутину.

Падший ангел - он тебя бедней,
Потому и кормится тобою.
Словно к горлу, к совести твоей
Присосется жадною губою.

Иль твою откормит щедро страсть,
Всё, чем сердце суетно и глухо,
Чтоб потом полакомиться властью
Свежею убоиною духа.

Он тебе является, паря
В силе, славе и великолепии.
Только горе! Если за наряд
С плеч его отдать свои отрепья

Настоящий ангел твой незрим,
Подойдет — листа не заколышет.
Будто ты и не встречался с ним!
Будто вовсе он тебя не слышит!

Он тебя не балует ничем,
Строг к тебе, суров порою даже.
Лишь когда отчаешься совсем -
Незаметно путь тебе укажет.

И когда (в лазурь из темноты!)
Он тебе откроет двери рая
-Вскрикнешь ты в смятеньи: «Это Ты!
Я тебя давно и странно знаю!

Ты скрывался с моего пути,
Ты молчал, когда я звал на помощь!
Думалось: ну где же мне дойти,
Жалкому и нищему такому!

А теперь передо мной расцвел
Этот край, безоблачен и светел!

И что Ты сюда меня привел,
Веришь ли, я даже не заметил!»

Соблазн таится в развитии общества. Общество становится все сложнее, развитие — все быстрее, и мишурный блеск открытий скрывает

простое, неизменное, вечное, без которого жизнь теряет смысл. Состояние человеческого духа, описанное экзистенциалистами, -запутанность и заброшенность. Сегодня оно не стало лучше, только острота кризиса притупилась и слабее попытки вырваться из убаюкивающего комфорта - там, где этот комфорт достигнут (на сколько лет — Бог весть; взрывы живых бомб уже сегодня разрушают чувство комфорта).

Чудовищные образы, возникшие в сознании Даниила Андреева, не находят прямого соответствия в мире фактов. Но воображение создает только формы, только образы демонического. Каково оно на самом деле, мы не знаем, но силы света и силы мрака сражаются почти зримо, и картина смутного времени XVII в., нарисованная поэтом XX в., поражает своей современностью.

В нашу эпоху заново читается книга Иова и заново задаются вопросы Богу: как он это допустил? Входит ли Освенцим и Колыма в его план воспитания человечества бичами катастроф — или внимание Бога непрерывно устремлено только к целостности мира? А в события на нашей маленькой планете он вникает только от случая к случаю? И его внимание к Земле пульсирует, устремляясь навстречу молитве и ускользая, когда из молитв ускользает живое чувство собеседника?

Можно взглянуть на историю великих цивилизаций как на периодическую линьку словесных оболочек откровения. Линька племенных и народных религий открыла дорогу откровениям мировых религий. Линька средневековых мировоззрений открывает дорогу тому, что я назвал прозрачностью границ, на которых остановились областные откровения, названные мировыми.

Одно можно сказать совершенно твердо: одновременное рождение философии в Элладе, Индии и Китае нельзя объяснить в терминах науки, описать как действие познанных и познаваемых факторов. Толчок пришел либо из иного пространства и времени (так думают фантасты), либо из вечности, из бытия по ту сторону пространства и времени. Что из этого вышло, известно. Но для чего? Для развития интеллектуальных производительных сил? Или это развитие в древности - как и новая волна, начавшаяся в XV в., — только побочное явление духовного процесса? И выдвижение на первый план науки и техники - гибельный перекокс культуры?